

УДК 821.161.1-1

*И.Н. Коржова***РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ИЛИ НОВЫЙ? РОМАНТИЗМ В ПОЭМЕ К. СИМОНОВА
«ВОЗВРАЩЕНИЕ»**

В статье представлен анализ поэмы Симонова «Возвращение» в аспекте взаимодействия с литературной традицией. В поэме конфликтно сосуществуют мотивы и ценности революционного романтизма, неоромантизма и собственно романтизма. Так, романтический мотив бегства структурно приравнивает город детства к пошлой действительности и ставит под сомнение идеи товарищества и трудовых подвигов, важные для советской литературы. В сюжете кратковременного возвращения героя в город детства реализована «вторичная фаза отчуждения» (термин Ю. Манна). Особое значение в поэме обретает миф о возлюбленной как о воплощении небесного идеала. Источником отдельных мотивов и образов является романтическая традиция в целом, кроме того выявлены аллюзии и цитаты, отсылающие непосредственно к произведениям Байрона, Жуковского, Пушкина и к опирающейся на наследие романтизма лирике Гумилева и Есенина. Снятие метафизической вертикали, мужественный оптимизм финала поэмы говорят о ее принадлежности к неоромантизму. Проведенное исследование позволяет уточнить представление о направленной принадлежности раннего творчества Симонова.

Ключевые слова: романтизм, неоромантизм, революционный романтизм, литературная традиция, мотив, Симонов.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-6-1299-1305

Поэма К. Симонова «Возвращение», увидевшая свет в 1937 г., была еще в довоенную пору переработана автором и в несколько измененном виде вошла в третью главу поэмы «Первая любовь». Впоследствии Симонов не включал раннюю вещь в свои книги, возможно, относясь к ней как к черновику, почти обошло ее и внимание исследователей: И. Гринберг посвятил ей несколько строк. Переработка не только избавила поэму от противоречащих друг другу мотивов, наполнила характеры психологической глубиной, но и в целом развернула произведение в сторону реалистической эстетики. Тогда как ранний вариант создавался под влиянием различных течений романтизма.

Поэма Симонова «Возвращение» объединена общим мотивным комплексом с его неоромантическими повестями в стихах «Дом», «Повесть о трех братьях», варьирующими сюжет разрыва со средой и мотив странничества. В «Возвращении» почти полностью воссоздана система мотивов цикла «Возвращение Одиссея» Н. Гумилева, поэзия которого входила в круг интересов молодого Симонова. Произведения поэтов роднят, помимо названных, мотивы неверности возлюбленной, вины перед оставленным родителем, образ ребенка-наследника.

О романтизме раннего Симонова писал Л.А. Финк [21]; В. Лебедев видит в поэме «Дом» воплощение революционного романтизма [11]. М.Н. Липовецкий относит к неоромантизму всю поэзию Симонова [12].

Термин «неоромантизм» имеет размытые контуры, возникает вопрос о качественном отличии описываемого им феномена от романтизма. О неоромантизме на рубеже веков писали Дм. Мережковский, А. Блок, А. Белый, но современное значение термину придал М.В. Урнов, применив его к такому кругу авторов, как Р.Л. Стивенсон, Р. Киплинг, А. Конан Дойл, творчество которых отличает «мужественный оптимизм» [20, с. 251]. «Неоромантики не разделяли пристрастия натуралистов к бытовой атмосфере, к приземленным героям, “маленьким людям”. Они искали красочных героев, необычайной обстановки, бурных событий» [20, с. 312]. Названные авторы в самой англоязычной традиции не мыслятся как представители одного течения, препятствием для этого служит их диаметрально противоположное отношение к империализму [24], а термин неоромантизм («neo-romanticism») активно используется по отношению к музыке и живописи [22] или общественному движению, ратовавшему за возвращение человека к природе [25].

Вл.А. Луков трактует неоромантизм как феномен межнациональный и указывает на его оригинальные мировоззренческие установки: «Неоромантики верили в сильную, яркую личность, они утверждали единство обыденного и возвышенного, мечты и действительности. Согласно неоромантическому взгляду на мир все идеальные ценности можно обнаружить в обыденной действительности при особой точке зрения наблюдателя, иными словами, если смотреть на нее сквозь призму иллюзии» [14, с. 309].

О неоромантизме «как одной из форм модернизма, коренным образом отличной от романтизма XIX века» [12, с. 14] пишет М.Н. Липовецкий. «В качестве важнейших принципов неоромантизма рассматриваются стилизация, множественность и театрализация “я”, доминирование оксюморона и интерес к пограничным ситуациям (отсюда высокая популярность жанра баллады среди неоромантиков). Последний порождает, с одной стороны, эстетизацию маскулинности и насилия, а с другой, радикальный отказ от позиции силы в пользу “сентиментальности”. В целом, неоромантический дискурс предлагает исключительно гибкий механизм символических “переговоров” и поиска компромиссов между индивидуальной свободой (во многом понятой в соответствии с философией Ницше) и политическими и / или культурными силами времени, требующими от человека жертвовать своей свободой ради общего дела или национальных интересов» [12, с. 13].

В советской литературе споры о романтизме обострились в конце 1920-х гг. М. Горький в 1928 г. писал о сосуществовании двух методов литературы: реализма и романтизма, разделенного на пассивный и активный. Эстетику последнего он и призывал развивать: «В нашей литературе не было и нет еще “романтизма” как проповеди активного отношения к действительности, как проповеди труда и воспитания воли к жизни, как пафоса строительства новых ее форм и как ненависти к старому миру...» [6, с. 199].

Ко времени создания Союза писателей и подготовки к первому съезду Горький уже ставит знак равенства между соцреализмом и революционным романтизмом, а В.Я. Кирпотин говорит о революционном романтизме как о втором методе молодой литературы. Споры этого периода подробно освещены М. Никё [16] и М. М. Голубковым [5, с. 60–65]. В ходе предварительных дискуссий, происходивших за кулисами подготовки к съезду, статус романтизма был понижен: «революционный романтизм уже не равноправный “метод”, но один из “стилей” соцреализма» [16, с. 476].

Опираясь на понимание Вл.А. Луковым неоромантизма как широкого течения мировой литературы, мы считаем революционный романтизм его разновидностью, имеющей следующие отличительные черты: конкретизация идеала в форме коммунистической доктрины, коллективность или хотя бы коллективизм героя, отказ от выдвижения любви и других индивидуальных переживаний как высших ценностей, необходимость для героя утверждения идеала в созидательном труде или вооруженной борьбе.

Ранняя поэма Симонова «Возвращение» содержит целый комплекс романтических мотивов. Большинство из них не противоречит установкам революционного романтизма, но порой инерция поэтической традиции, сложившаяся семантика мотивов идут вразрез с его принципами. Эти противоречия эстетических установок представляются нам весьма примечательными для осмысления творчества молодого Симонова, а также важными для разграничения разных течений внутри романтического метода. Целью статьи является выявление романтических и неоромантических мотивов в поэме «Возвращение», анализ противоречий, вызванных их сосуществованием, и изучение трансформации мотивов в ходе осознанной правки и включения их в структуру зрелой поэмы.

Открывается поэма погружением приезжего героя в материально плотную, любовно воссозданную атмосферу родного города. В первых строках воскресает романтический миф о детстве: «Парадигма мифа детства в литературе романтизма формировалась в соответствии с основными структурно-семантическими составляющими мифа о золотом веке, включающего в себя такие компоненты, как идиллическое единство Бога и человека, чистота (естественность) и невинность человека, бесконфликтность и блаженство ввиду отсутствия смерти, рай как образ гармонии природы и человека» [1, с. 46–47].

Герою удается невозможное – сохранить внутреннее тождество с собой ребенком и вернуться в детство: «И продавец как будто узнавал, / Что он тут раньше молоко пивал. / Автомобили на горы влезали, / Он следовал влюбленными глазами / За ними вдаль и, вставши на пути, / Готов был крикнуть: “Дядя, прокати!”» [18, с. 140]. Симонов использует этот миф, даже не проблематизируя возможность возвращения в детство, но в дальнейшем оставляет этот миф без развития.

Ликование быстро сменяется внутренней тревогой. Рефреном звучат строки «Куда ж пойти мне?» [18, с. 140], интонационно и ситуативно близкие к вопрошанию героя С. Есенина в «Руси советской» «Кого позвать мне?» [8, с. 94]. «Русь советская» входит в единое мотивно-тематическое целое с другими маленькими поэмами 1924–1925 гг., в которых, по мнению В. Сухова, открыто заявляет о себе байронизм Есенина. Прямая отсылка к Дж. Г. Байрону происходит в поэме «Возвращение на родину», где можно «выделить сразу несколько “байронических мотивов”»: мотив возвращения “пи-

лигрима», мотив отчуждения – неузнавания, мотив “мировой скорби» [19, с. 80]. У Симонова присутствуют по крайней мере первые два, а память жанра вызывает и последний, противоречащий оптимизму советского извода неоромантизма.

Через посредство цепочки есенинских текстов или соотнося мотивы напрямую, мы приходим к конкретному источнику – прощальной песне Чайльд-Гарольда, данной в начале поэмы Байрона. В ней звучат мотивы материнской тоски, женской забывчивости и неверности, одиночества на родине, но связаны они с разными героями: пажом, слугой и самим Гарольдом. У Симонова они сойдутся в судьбе центрального героя. Сходное сочетание мотивов составляет ядро цикла Гумилева «Возвращение Одиссея», правда отверженность героя здесь заменяется его собственным стремлением к разрыву с домашним миром. Хотя слово «возвращение» вынесено в заглавие и Гумилевым, и Есениным, думается, название поэмы Симонова представляет собой не точечную цитату, указывающую на определенный претекст, а отсылает к широкой романтической традиции. Сюжет возвращения может восходить не только к мифу об Одиссее, но и к притче о блудном сыне. На этот источник образов зрелой лирики Есенина указывает О.Е. Воронова [4]. Однако в творчестве Симонова сюжет притчи претерпевает изменения, описанные Э. Джеком применительно к литературе XX века: «The use of the language of the parable <...> highlights the sense of loss, both of faith and the possibility of home which the parable presents» [23, p. 165].

История возвращения героя Симонова строится как череда встреч, но, собственно, первая из них оборачивается невстречей. Герой приближается к родительскому дому, опустевшему после смерти матери. Невстреча с матерью компенсируется мечтами: воображение «подсовывает» герою мучительные детали несостоявшегося свидания. В сцене, когда к рыдающему страннику обращают свое назойливое внимание дети и постовой, впервые возникает мотив одиночества и отчужденности от людей. Удачная находка позволяет Симонову показать героя сразу в двух сюжетных ситуациях: общения с матерью и тоски по ней. Герой не только не зачерствел в странствиях, но и обладает гиперболизированной эмоциональностью раннеромантического героя. В настоящем он одинок, связан с мотивом сиротства, издавна бывшего метой романтического героя [15].

Рефрен «Куда ж пойти мне?» возвращает героя к поискам, в которых ему опять суждено натолкнуться на пустоту. Он обходит дома друзей, заглядывает в студенческое общежитие, но не встречает прежних товарищей – кругом люди «с незнакомыми глазами». Упоминание именно глаз, ставших в романтизме мощным средством проникнуть в душу персонажей, говорит о том, что эти люди чужды герою внутренне.

Но тоска героя не фатальна: мотив романтического одиночества автор стремится дезавуировать с помощью идеи революционного романтизма о дружбе всех людей на земле. Поиски друзей прерываются отступлением: «Да, если всюду нам не одиноко, / И весь наш мир составлен из друзей, / Товарищей, оставленных далеко, / Мы начинаем забывать скорей. / И это верно. Это так и нужно...» [18, с. 141]. Однако такой аргумент, кажется, не действует на самого героя. Он, словно не дослушав сентенций, направляется дальше: «Еще в четыре двери постучался / И, подавляя легкую тоску, / С ответами похожими встречался: / Он в армии, в отъезде, в отпуску» [18, с. 141]). Мотив тоски, хотя и умаленной эпитетом «легкая», проговаривается здесь прямо. В данном эпизоде сходятся представления революционного романтизма о всеобщем товариществе и сюжетно развернутый, словесно эксплицированный мотив одиночества, идущий от романтизма (неоромантизм не вырабатывает единого отношения к этому феномену). Но поиски героя убеждают, что скитальчество – доля поколения, сознательно выбранный удел. Этим романтическая судьба несколько типизируется под давлением уже реалистической эстетики.

Следующая часть поэмы – приход героя на завод. Начало фрагмента также связано с мотивом отчуждения: герою нелегко миновать проходную. Это, пожалуй, наиболее оригинальное преломление романтической ситуации неузнавания: если завод становится домом героя, то неузнавание домашними превращается в нежелание со стороны служащих впускать героя за проходную. Дальше тон повествования теплеет, появляется близкий герою человек – товарищ юности Сережа Поляков. В воспоминаниях о заводе авторская ностальгия сливается с тоской героя, которому снова привита ослабленная доза романтических страданий: «Приезжий был расстроен слишком долгой / Невольной отчужденностью своей» [18, с. 143]. Перифраз «приезжий», к которому Симонов обращается на протяжении поэмы семь раз, безусловно, подчеркивает разрыв героя с городом детства. Это своего рода модернизированное обозначение типа скитальца.

Героя на время теснит его друг Сережа – обладатель образцовой советской трудовой биографии. Выросший из неумехи ученика до завцехом, он в дальнейшем наверняка исполнит мечту, дерзко высказанную еще подростком, и станет директором завода. Приезжий и Сережа с присоединившимися «цеховыми старичками» говорят о прошлом и, главное, о будущем. Перед нами фрагмент, овеянный романтикой советского времени, он бодро утверждает устремленность вперед, упорство, большую общую цель, товарищество. Однако эти идеи не случайно в большей мере связаны со вторым героем, Сережей.

Над одним комплексом мотивов Симонов надстраивает другой. Его герой все же почему-то покинул завод и сейчас словно не слышит предложений возвратиться. Лежащий в основе поэмы прототипический для романтизма сюжет бегства, определяет заводскому миру место структурного эквивалента пошлой действительности. Так, внутренне конфликтно сходятся советский неоромантизм и более широкая разновидность того же течения, сложившаяся еще в начале XX в., за которой проступают контуры собственно романтической эстетики.

Последним визитом героя становится посещение бывшей жены. Характер отношений с нею и причина разлуки обозначены пунктиром: «Там женщина, с которой слишком долго / Они дружили, обманув себя <...> / Там женщина, с которой слишком скоро / Они расстались, не решив зачем» [18, с. 144]. Позже Симонову потребуется 1300 строк поэмы «Первая любовь», чтобы объяснить их чувства, но пока его интересует не предыстория, а новая встреча героев. Герой Симонова раскрывается в аспекте, венчающем, согласно романтическим представлениям, духовную жизнь человека. «Романтическое переживание любви <...> коротко говоря, заключалось в крайнем повышении ее идеального значения. Это характеризовало все направления и разновидности романтизма...» [15, с. 54]. Структурообразующее значение любовного конфликта в романтической поэме отмечено еще В.М. Жирмунским: «Во всех поэмах, как современных, так исторических и экзотических, первое место в повествовании занимает любовный конфликт» [9, с. 299].

Чувство любви еще не отжило в герое Симонова: «Он побежал, как мальчик на свиданье» [18, с. 144]. Его приход – воплощение горьких гарольдовских предсказаний, впрочем повторенных романтиками на разных языках. Героиня счастливо замужем, она мать двоих детей. Теперь может показаться, что герой излечился от любви: «Все те же губы. Но лицо ему / Ничем о прошлом не напоминало / И в будущем не звало ни к чему» [18, с. 145]. Но далее Симонов довольно откровенно описывает физическое волнение героя, увидевшего неприкрытую грудь кормящей женщины и остро ощутившего ее близость: «На миг ее доверчивое тело / Ему напомнило давнишние часы... / Но вспоминать сейчас не захотел он / И с легким вздохом вытащил часы» [18, с. 145]. Кажется, молодому поэту равно дороги и неписанность героя в быт, его внутреннее остывание при виде чинного семейного уклада, и глубина чувств героя, и руководящая мужчиной воля. Перед нами конгломерат узнаваемых мотивов, которые в совокупности не проясняют состояние персонажа. Очевидно, противоречия в этой сцене чувствовал и сам поэт, при переработке исключивший из нее эротические мотивы.

Новое расставание с героиней, с одной стороны, усиливает одиночество героя, возлюбленная которого забыла прежнюю привязанность. С другой – финал эпизода подключает новый романтический код. Простившись с бывшей женой, герой видит девочку, «похожую на прежнюю ее»: «Похожая почти до совпадения, / Неся в руках похоже цветы, / Прошла как мимолетное виденье, / Прошла как гений чистой красоты» [18, с. 145]. Перед нами едва ли не единственный случай обращения к собственно русскому романтическому претексту.

В стихотворении А.С. Пушкина еще слышится отзвук романтического мифа: «В том же послании к Керн – отчасти навеянном, как известно, Жуковским (“гений чистой красоты”) – сюжет о встрече души с памятным ей небесным образом сохраняет, конечно, религиозную окраску» [2, с. 542]. Напомним, что в «Лалла Рук» Жуковского женский идеал вообще невоплотим в земной реальности, остается вечным неудовлетворенным стремлением: «Ах! не с нами обитает / Гений чистой красоты; / Лишь порой он навещает / Нас с небесной высоты» [10, с. 223]. «Даже идеал, проступивший уже из туманной эйфории, может остаться, как у Жуковского, мимолетным, почти иллюзорным видением – т.е. не вернуться, не воплотиться» [2, с. 554]. Эта цитата приобщает героя к культуре высокого романтизма, его любовь – стремление к небесному идеалу. Но нового явления идеала не происходит, несовпадение со схемой пушкинского стихотворения, своего рода минус-прием, делает судьбу героя драматичной.

В целом же генезис мотивов, их национальную окраску в поэме Симонова уловить достаточно сложно. По замечанию М.Н. Виролайнен, «одна из существенных причин невозможности, по выражению Вяземского, ткнуть пальцем в русский романтизм заключалась в том, что в России почти одновременно усваивались черты и английского, и французского, и немецкого романтизма. А их черты, при общем названии направления – романтизм – отнюдь не складывались в единую конфигурацию» [3, с. 60].

Однако объективно сюжет, основанный на недолгом пребывании героя в городе детства, уже однажды надолго оставленном, воссоздает модель романтического конфликта с «вторичной фазой отчуждения» [15, с. 338], связанной с возвращением героя в ранее покинутое место. Эта модель, согласно Ю. Манну, является исключительной принадлежностью русского романтизма. Мотивация отчуждения отсутствует, вернее, каждый раз оставленность героя объясняется вполне понятными, порой горькими, но вовсе не глобальными причинами, однако за этим угадывается некое высокое, пока не названное стремление.

Последняя, четвертая часть поэмы посвящена отплытию героя на пароходе. И здесь сходятся указание на реальный способ передвижения по Волге, где происходит действие; и аллюзия на корабль, на котором герои Байрона совершали свои странствия; и возможная отсылка к «Возвращению Одиссея» Гумилева; и подключение к романтической традиции в целом, где водная стихия ассоциировалась со свободой и открытостью судьбе. Примечательно, что при переделке поэмы, трансформируя многие романтические мотивы, Симонов пересаживает своего героя на поезд.

Наконец становится понятна цель странствований героя – желание вписать свое имя в историю. Пароход поворачивает «высоким носом к будущей судьбе», надо полагать не менее высокой. В последней части бестрепетное молчание героя заметно контрастирует с прощальными криками друзей. Характерна ошибка, которую допустил при анализе этой сцены И. Гринберг, оценивший поэму за отсутствие ««лирической» размягченности» и проверку героев на «боеготовность, их готовность к труду, к борьбе» [7, с. 237]. Он утверждал: «Старые друзья, с которыми встретился приезжий, не уговаривают его остаться на родине. Напротив...» [7, с. 237]. Однако в поэме друзья кричат герою: «На родину скорее возвращайся!» [18, с. 146]. Эта аберрация подравнивала поэта под норму, устраняла нетипичные для революционного романтизма мотивы скрытого отчуждения героя и его одиночества. Ошибка демонстрирует зазор между предписанными и потому ожидаемыми идеями и реальным содержанием поэмы Симонова.

В финале герой остается один на один со своими мыслями, которыми не делится ни с кем. Амбиции героя масштабны: «на поручни ты руки положил: / Да только там твоя отчизна будет, / Где скажут: «Он сей город заложил» – И каждый школьник это не забудет. // А ветер дует в низкую корму...» [18, с. 146]. Неточная цитата из «Медного всадника» в финале резко укрупняет фигуру героя, ставя его вровень с Петром-демиургом из вступления к пушкинской поэме. Знаменательна и последняя строчка, вынесенная в отдельную строфу и оставленная без рифмы (при републикации в книге «Настоящие люди» она была снята). Строка, вероятно, также отсылает к пушкинскому претексту – окончанию стихотворения «Осень», в котором упоминался романтический идеал (правда, поставленный под сомнение) свободного, как стих, плаванья по волнам жизни: «Плывет. Куда ж нам плыть...» [17, с. 502].

Поэма «Возвращение» осциллирует между двумя изводами романтического сюжета: «Романтическая традиция создала два стереотипа: “бегство” и “стремление”. Герой либо порывает с миром (зла, клеветы, преследований или, напротив, счастья) – “бежит из”, “от” или же устремляется к миру мечты» [13, с. 550]. Последняя часть поэмы Симонова, кажется, предполагает изменение варианта с первого на второй. Раскрытая в финале высокая цель соответствует мужественному оптимизму неоромантиков, их готовности искать идеал на земле. В целом же в поэме одиночество и оставленность героя соседствуют с ощущением дружественности всего мира, неприятие той жизни, которой живут заводские товарищи, соединяется с любованием людьми труда. Но сюжет утверждает все же индивидуалистические искания героя вне конкретно-исторического идеала. Инерция традиции уводит Симонова от эстетики революционного романтизма и заставляет рассматривать его раннее творчество на более широком фоне неоромантизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабук А.В. Феноменология детства в поэзии английских романтиков // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 45–50.

2. Вайскопф М. Влюбленный демиург. Метафизика и эротизм русского романтизма. М.: НЛЮ, 2012. 696 с.
3. Виротайнен М.Н. Русский романтизм в проекции на европейскую романтическую литературу // Мир русского слова. 2015. № 4. С. 59–64.
4. Воронова О.Е. Архетипы «блудного сына» и «кающегося грешника» в поздней лирике С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2015. № 2. С. 33–39.
5. Голубков М.М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М.: Академия, 2008. 368 с.
6. Горький М. О литературе. М.: Гослитиздат, 1935. 432 с.
7. Гринберг И. Стихи Константина Симонова // Литературный критик. 1940. № 11–12. С. 228–246.
8. Есенин С.А. Полное собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). М.: Наука; Голос, 1997. 463 с.
9. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 423 с.
10. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. 839 с.
11. Лебедев В.Ю. К вопросу о конситуативной полиинтерпретативности одного стихотворного текста (К. Симонов «Дом») // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании. Тверь, 2011. С. 84–94.
12. Липовецкий М.Н. Неоромантизм в русской поэзии XX–XXI веков: смысл и границы понятия // Филологический класс. 2018. № 1. С. 13–18.
13. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 848 с.
14. Луков Вл.А. Неоромантизм. // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 309–312.
15. Манн Ю.В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. М.: РГГУ, 2007. 518 с.
16. Никё М. Революционный романтизм // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 472–480.
17. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1959. 643 с.
18. Симонов К. Возвращение // Октябрь. 1937. № 7. С. 140–146.
19. Сухов В. К вопросу о «байронизме» в позднем творчестве С. Есенина // Современное есениноведение. 2008. № 9. С. 79–86.
20. Урнов М.В. На рубеже веков. Очерки английской литературы (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1970. 430 с.
21. Финк Л.А. Константин Симонов. Творческий путь. М.: Сов. писатель, 1979. 415 с.
22. Clarke M. The concise Oxford dictionary of art terms. Oxford: Oxford University Press. 2003. 272 p.
23. Jack A. The prodigal son in English and American literature. Five hundred years of literary homecomings. Oxford: Oxford University Press. 2019. 178p.
24. The Cambridge history of twentieth-century English literature / ed. by Laura Marcus a. Peter Nicholls. Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. XIV, 886 p.
25. Trentmann F. Civilization and Its Discontents: English Neo-Romanticism and the Transformation of Anti-Modernism in Twentieth-Century Western Culture // Journal of Contemporary History. 1994. No. 4. pp. 583–625.

Поступила в редакцию 12.02.2021

Коржова Инесса Николаевна, кандидат филологических наук, докторант
кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1
E-mail: clean24@yandex.ru

I.N. Korzhova

REVOLUTIONARY OR NEW? ROMANTICISM IN K. SIMONOV'S POEM "THE RETURN"

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-6-1299-1305

The article presents an analysis of Simonov's poem "The Return" in the aspect of interaction with the literary tradition. In the poem, the motifs and values of revolutionary romanticism, neo-romanticism and romanticism coexist in conflict. Thus, the romantic motif of flight structurally equates the city of childhood with a vulgar reality and calls into question the ideas of camaraderie and labor exploits that are important for Soviet literature. In the story of the hero's brief return to the city of his childhood, a "secondary phase of alienation" (Mann's term) is realized. The myth of the beloved as the embodiment of the heavenly ideal takes on special significance in the poem. The source of certain motifs and images is the romantic tradition as a whole, besides, allusions and quotations referring directly to the works of Byron, Zhukovsky, Pushkin and to the lyrics of Gumilev and Esenin based on the romantic heritage have been identified. The removal of

the metaphysical vertical and the courageous optimism of the final part of the poem suggest that it belongs to neo-romanticism. This study allows us to clarify the idea of the aesthetic orientation of Simonov's early work.

Keywords: romanticism, neo-romanticism, revolutionary romanticism, literary tradition, motif, Simonov.

REFERENCES

1. Babuk A.V. Fenomenologiya detstva v poezii anglijskih romantikov [Phenomenology of the childhood in English romantic poetry]. Chasop. Belarus. dzyarzh. un-ta. Filalogiya. 2017, no. 1, pp. 45–50. (In Russian)
2. Vajskopf M. Vlyublennyj demiurg. Metafizika i erotizm russkogo romantizma [Amorous demiurge: metaphysics and the erotic in Russian romanticism]. Moscow, NLO Publ., 2012, 696 p. (In Russian)
3. Virolajnen M.N. Russkij romantizm v proekcii na evropejskuyu romanticheskuyu literaturu [Russian romanticism in its projection to European romantic literature]. Mir russkogo slova. 2015, no. 4, pp. 59–64. (In Russian)
4. Voronova O.E. Arhetipy «bludnogo syna» i «kayushchegosya greshnika» v pozdnej lirike S.A. Esenina [Archetypes of “prodigal son” and “penitent sinner” in S.A. Yesenin's late poetry]. Sovremennoe eseninovedenie. 2015, no 2, pp. 33–39. (In Russian)
5. Golubkov M.M. Istoriya russkoj literaturnoj kritiki XX veka (1920–1990-e gody) [The history of Russian literary criticism of the twentieth century (1920–1990-s)]. Moscow, Akademiya Publ., 2008, 368 p. (In Russian)
6. Gor'kij M. O literature [About literature]. Moscow, Goslitizdat, 1935, 432 p. (In Russian)
7. Grinberg I. Stihi Konstantina Simonova [Poems by Konstantin Simonov]. Literaturnyj kritik, 1940, no. 11–12. pp. 228–246. (In Russian)
8. Esenin S.A. Polnoe sobranie sochinenij. T. 2. Stihotvoreniya (Malen'kie poemy) [Complete works. Vol. 2. Poems (Small poems)]. Moscow, Nauka; Golos, 1997. 463 p. (In Russian)
9. Zhirmunskij V.M. Bajron i Pushkin. Pushkin i zapadnye literatury [Byron and Pushkin. Pushkin and Western literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 423 p. (In Russian)
10. Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem [Complete works and letters]. V. 2. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 2000. 839 p. (In Russian)
11. Lebedev V.Yu. K voprosu o konsituativnoj poliinterpretativnosti odnogo stihotvornogo teksta (K. Simonov «Dom») [On the question of consituative polyinterpretativity of one poetic text (K. Simonov's “House”)]. Ponimanie i refleksiya v kommunikacii, kul'ture i obrazovanii. Tver', 2011. pp. 84–94. (In Russian)
12. Lipoveckij M.N. Neoromantizm v russkoj poezii XX–XXI vekov: smysl i granicy ponyatiya [Neoromanticism in Russian poetry of the XX–XXI centuries: meaning and scope of the concept]. Filologicheskij klass. 2018, no. 1, pp. 13–18. (In Russian)
13. Lotman Yu.M. O poetah i poezii [On poets and poetry]. St Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1996, 848 p. (In Russian)
14. Lukov V.I.A. Neoromantizm [Neo-romanticism]. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012, No. 2, pp. 309–312. (In Russian)
15. Mann Yu.V. Russkaya literatura XIX veka. Epoha romantizma [Russian literature of the 19th century: Romanticism]. Moscow, RGGU, 2007, 518 p. (In Russian)
16. Nikē M. Revolyucionnyj romantizm [Revolutionary romanticism]. In Sotsrealisticheskij kanon [Socialist Realist Canon]. St Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000, pp. 472–480. (In Russian)
17. Simonov K. Vozvrashchenie [The return]. Oktyabr', 1937, no. 7, pp. 140–146. (In Russian)
18. Suhov V. K voprosu o «bajronizme» v pozdnem tvorchestve S. Esenina [On the question of “byronism” in the late works of S. Yesenin]. Sovremennoe eseninovedenie. 2008, no. 9, pp. 79–86. (In Russian)
19. Urnov M.V. Na rubezhe vekov. Ocherki anglijskoj literatury (konec XIX – nachalo XX v.) [At the turn of the century. Essays on English literature (late XIX-early XX centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 430 p. (In Russian)
20. Fink L.A. Konstantin Simonov. Tvorcheskij put' [Konstantin Simonov. Creative way]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1979, 415 p. (In Russian)
21. Clarke M. The concise Oxford dictionary of art terms. Oxford, Oxford University Press, 2003, 272 p. (In English).
22. Jack A. The prodigal son in English and American literature. Five hundred years of literary homecomings. Oxford, Oxford University Press, 2019, 178p. (In English).
23. The Cambridge history of twentieth-century English literature. Ed. by Laura Marcus a. Peter Nicholls. Cambridge, Cambridge univ. press, 2004, XIV, 886 p. (In English).
24. Trentmann F. Civilization and Its Discontents: English Neo-Romanticism and the Transformation of Anti-Modernism in Twentieth-Century Western Culture. In Journal of Contemporary History, 1994, no. 4, pp. 583–625. (In English).

Received 12.02.2021

Korzhova I.N., Candidate of Philology, doctoral student
at Department of the History of the Newest Russian Literature and the Modern Literary Process
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory, 1, Moscow, Russia, 119991
E-mail: clean24@yandex.ru